

18+

ДИАНА КАЛОЯН

ТОТ, КТО
ПРИХОДИТ С ПРАВДОЙ,
НЕ ПРИНОСИТ МИРА.
ОН ПРИНОСИТ ВЫБОР.

СЛЕПАЯ ФАБУЛА

Диана Калоян

Слепая Фабула

«Издательские решения»

Калоян Д.

Слепая Фабула / Д. Калоян — «Издательские решения»,

Остров посреди океана. Двадцать три женщины-учёных, которые двадцать лет назад сбежали от мира, чтобы построить новый. Двенадцать девочек, рождённых путём партеногенеза. Эксперимент, который считался прорывом. Но когда на остров приходит аудитор, он приносит не проверку — а правду, которая рушит всё. Это роман-метафора о том, как мы строим клетки, принимая их за спасение. О страхе выйти за пределы собственных стен. И о том, что иногда, чтобы начать новый сценарий, достаточно просто довериться.

© Калоян Д.

© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
«Тот, кто приходит с правдой, не приносит мира. Он приносит выбор»	7
Глава 1	7
Глава 2	12
Глава 3	19
Глава 4	24
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Слепая Фабула

Диана Калоян

Редактор Карина Маркова

© Диана Калоян, 2026

ISBN 978-5-0070-9423-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Вы когда-нибудь задумывались о том, что после сильных потрясений, вы создаете себе сами клетку, которую считаете своим спасением?

А если это не клетка, а целый остров, где есть только вы и ваши воспоминания. На этом острове время течет иначе: оно не движется вперед, а заикливается, пережевывая одни и те же события, словно пытаясь переварить их заново, но всякий раз натываясь на непереваренные куски боли. Мы возводим стены из «никогда больше» и ров из «я не переживу это снова», искренне полагая, что так мы защищаем свою хрупкую суть. Но задайте себе вопрос: кого вы на самом деле защищаете — себя теперешнего или того испуганного ребенка, который когда-то дал себе обещание больше не доверять миру?

Иногда мы находим спасение в уединении, но это должен быть скорее способ отдышаться, а не способ изолироваться от всего мира. Истинное уединение похоже на глубокий вдох перед прыжком: оно наполняет легкие, прочищает разум, но не отменяет самого прыжка. А то, что мы часто практикуем — это не дыхание, это анестезия. Мы замораживаем себя в собственной истории, чтобы никто не потревожил наши раны, но рана, лишенная воздуха и света, не заживает — она гноится в тишине.

И вот, вы не позволяете никому и ничему прийти в вашу жизнь и дать вам направление на новый сценарий. И вы боитесь его, считаете его врагом своих установок. Считаете, что он приходит вас разрушить, и наверно так и есть, но только от части. Он разрушает старое и выпускает в вашу жизнь то, ради чего задумывалась жизнь. Но вы сжимаетесь при первом же дуновении перемен, принимая ветер за ураган, а прикосновение — за удар. Вы говорите: «Я знаю, чем это кончится», хотя на самом деле знаете только то, чем это кончилось в прошлый раз. А прошлый сценарий был написан другими людьми, другими обстоятельствами и, главное, другим вами — тем, кто еще не прошел через то самое потрясение.

Что, если новый сценарий не требует от вас отказаться от себя? Что, если он требует лишь расширить роль — позволить себе быть не только жертвой или выжившим? Позволить себе ошибаться в выборе, но не позволять себе застревать в безвыборности. Клетка, которую мы возводим с таким усердием, оказывается роскошной темницей: в ней есть все, кроме свежего воздуха.

Жизнь не просит вас забыть боль, она просит перестать ставить ее во главу угла. И иногда, чтобы начать новый сценарий, достаточно просто открыть дверь, которую вы сами закрыли и опечатали. Не для того, чтобы впустить бурю, а для того, чтобы, наконец, выйти из укрытия и увидеть: мир все еще существует. И в нем есть место для вас — не только прежнего, но и того, кем вы можете стать.

*С уважением к читателю,
Диана Калоян*

«Тот, кто приходит с правдой, не приносит мира. Он приносит выбор»

Часть первая

Глава 1

Остров задрожал.

Летисия уже просыпалась сегодня. Во сне было что-то липкое, тяжелое, что-то, что она не успела разглядеть, но тело запомнило. Потом она провалилась обратно, и теперь дрожь была другой: не изнутри, не из снов, а откуда-то снаружи, из мира, который в этот час должен был вторгнуться в её реальность.

Она села в постели, не сразу понимая, где находится.

Комната была черной. Окон здесь не было. На острове практически не было окон в жилых помещениях. Только стены, только изоляция, только безопасность, которую Летисия сама проектировала двадцать лет назад. Здесь не было необходимости смотреть наружу. Наружу смотрели камеры и всевозможные приборы.

Света в комнате не было. Но он должен был быть в коридоре — там всегда горели лампы, тёплые, ровные, как дыхание спящего корпуса. В эту ночь Летисия случайно не захлопнула дверь своей комнаты. И именно поэтому она заметила: коридор — тоже чёрный. Такой же густой, непроницаемой бездной, как и её собственная комната. Ни одного огонька. Ни проблеска. Только тишина и тьма.

«Так быть не должно» — подумала Летисия.

А потом она услышала голоса.

Не крики. Громкие разговоры. И в них было что-то, от чего живот сжался сам собой, без ее участия. Что-то, чего она не слышала много лет. Низкое. Грубое. Чужое.

Она поняла это телом раньше, чем разумом: по тому, как напряглись мышцы шеи, как сжались пальцы на простыне, как сердце пропустило удар, а потом забилось чаще, забилось так, будто пыталось вырваться.

Летисия провела ладонью по хлопковой простыне. Пальцы встретили привычное сопротивление ткани, и это немного успокоило, но ненадолго. Потому что в следующую секунду она поняла: простыня не двигается, а здание трясет. И теперь это сопровождается не только голосами, но и чем-то еще — низкой, тяжелой вибрацией, которая проходила сквозь стены, сквозь пол, сквозь ее позвоночник.

Она откинула одеяло и встала.

Ноги коснулись прохладного пола. Летисия стояла в темноте, дышала ртом, слушала, как где-то там, за стенами, раздаются звуки, которых здесь никогда не было.

Она включила настольную лампу.

Свет ударил по глазам, и она зажмурилась. Подошла к стулу, где была накинута её одежда выходного дня. Но та самая тревога, которую она испытывала сейчас, заставила её потянуться к халату на дверце шкафа. Белый халат доктора наук, с бейджиком на левом кармане: *«Летисия Пабула, старший научный сотрудник, сектор генетической стабильности»*.

Она накинула его на плечи и почувствовала, как меняется спина, буквально выпрямляется, собирается в струну. Халат был броней. В нем она переставала быть той, кто просыпается от страха, и становилась той, которая решает, той которую уважают.

Она вышла в коридор.

И остановилась.

Лампы в коридоре то работали, то гасли. Раздражающее мигание отдавалось в висках Летисии. Сделав два шага, свет словно сфокусировался на присутствии научного работника и на пару секунд остановил своё беспорядочное мигание. Летисия смотрела на потолок с лампами и чувствовала, как в груди возникает странное, давно забытое ощущение: будто кто-то сжимает внутренности и медленно тянет вниз.

Она пошла по коридору. Не оглядываясь. Так её научил остров. Остров, где нельзя показывать слабость, потому что слабость — это трещина, а трещина — это начало конца. Летисия всегда знала: если хоть кто-то усомнится в её уверенности, это станет началом конца доверия, и вся та сложная и важная структура взаимодействия рухнет, переломав Летисии жизнь, ведь другой у неё не было.

Она почти дошла до лестницы, когда из бокового коридора вынырнула Мэй. Лаборантка была босиком, в ночной рубашке, лицо белое, как бумага. Она дышала ртом.

— Мэй, — Летисия схватила её за плечи. Пальцы встретили холодную, дрожащую кожу. — Что случилось?

Мэй открыла рот, закрыла, снова открыла.

— Там... — голос сорвался. — Там корабль.

— Что с генераторами? — Летисия не поняла. Или не хотела понимать. — Свет мигает, это стабилизаторы?

— Нет, — Мэй покачала головой, и в её глазах Летисия увидела то, чего не видела ни разу за много лет её честной работы. Испуг. Настоящий, животный. — Свет не при чем. Там корабль. На пляже. Огромный. И там...

Она замолчала. Летисия ждала. Мэй молчала.

— Кто там? — спросила Летисия, хотя уже знала ответ. Знало тело. Знало то, как сжался живот, как напряглись мышцы шеи.

— Там мужчины — прошептала Мэй.

Летисия медленно отпустила её плечи.

— Возвращайся в комнату. Закрой дверь. Никому не открывай, пока я не вернусь.

Мэй кивнула и побежала обратно в коридор.

Летисия осталась одна.

Она стояла неподвижно, чувствуя, как пульсирует свет и вески, как стены давит невидимая вибрация, как где-то там, внизу, на песке, стоит корабль. И на нем — те, кого не должно быть здесь. Те, кого она осознанно выбрала не видеть двадцать лет.

Она вспомнила отца.

Она вспомнила не лицо — лицо стерлось. Она вспомнила звук. Глухой, тяжелый, когда его кулак встречался с чем-то мягким. И тишину после. Мать научилась не плакать. Летисия научилась не слушать. Затыкала уши подушкой, считала до ста, потом до тысячи.

Она не думала об этом два десятка лет. Или думала, но не позволяла себе это замечать. Каждое воспоминание было трещиной в броне, а броня нужна была, чтобы строить новый мир.

Она шагнула к лестнице.

Спуск занял меньше минуты. Она считала ступени. Одна. Две. Три. Поворот. Еще пять. Еще семь. Ступени успокаивали, возвращали контроль.

На последнем пролете она замедлилась.

Дверь в конце коридора вела на пляж. Летисия не проходила через нее уже... она не могла вспомнить, когда в последний раз выходила на песок. Может быть, пару месяцев назад.

Может быть, больше. На острове на песок выходили только сотрудники. Детям вход на пляж был и вовсе запрещен.

Она достала из кармана карточку, чип-ключ, провела им по датчику и толкнула дверь.

Песок был золотым даже ночью, даже под этим чужим светом. Она чувствовала его через тонкую подошву белых кед — шершавый, знакомый. По периметру острова были включены световые датчики, которые срабатывали только когда прилетал самолет. Раз в полгода. Беспилотный. Сбрасывал контейнеры с припасами. Летисия даже не видела пилотов. Отчеты по экспериментам отправлялись персональными каналами связи, дистанционно. Таков порядок был беспроблемно реализован много лет подряд.

Летисия поняла: если датчики сработали, значит остров стал видимым. Кто-то включил систему намеренно — для иного, невербального контакта. И это было странно. Непривычно. Почти пугающе.

Судно было огромным. Она подняла голову и поняла, что не может увидеть его целиком. Черное, блестящее, с какими-то выступами, антеннами, иллюминаторами.

По берегу ходили мужчины. Она насчитала восемь — и почти сразу потеряла их лица в общей массе. И только одного она запомнила...

Он стоял прямо у корабля, разглядывая масштабы острова, что стоял прямо перед ним. Простая куртка, темные волосы, лицо в тени. Увидев перед собой Летисию, он начал всматриваться. Наконец он решил подойти. Пошел по песку широкими, размашистыми шагами. Остановился буквально в двух шагах. Летисия чувствовала его запах — металл, пот, что-то чужое.

— Здравствуйте, — сказал он. Голос был низким. Он вибрировал в груди, отдавался в костях. — Меня зовут Элиот Торн. Департамент долгосрочных проектов.

Летисия смотрела на него, не понимая.

— Согласно новому приказу, каждые пять лет будет проводиться плановый аудит. Сегодня мы начнем первый.

Он протянул планшет. На экране — официальный запрос, логотип корпорации, подписи, печати. Летисия смотрела на дату. Три месяца назад.

— Нам необходимо проверить системы жизнеобеспечения, архив документации и сектор генетической стабильности. Все помещения, включая жилые.

Она подняла глаза. Смотрела на него. Он не отводил взгляд.

— Судно привезло медикаменты, продукты питания, расходные материалы. Подумали, чего пустыми к вам плыть.

Летисия молчала. В голове билась одна мысль: почему её не предупредили заранее?

— Вы можете приступить к работе, — сказала она наконец. Голос ровный, спокойный. Она не спросила, можно ли отказаться. Она знала, что нельзя.

— Мы начнём завтра с утра, — сказал Торн, и в его голосе Летисия уловила лёгкую усмешку — не насмешку, а уважение к тому, что она держится. — Сейчас только разгрузим припасы. Мы постараемся не мешать.

Он не двинулся с места. Смотрел на нее, и Летисия чувствовала этот взгляд кожей — тяжелый, изучающий. Женщины на острове смотрели иначе. Они смотрели в глаза, когда говорили о работе, отводили взгляд, когда говорили о чувствах, и никогда не смотрели так, будто пытались заглянуть под броню.

— Старший научный сотрудник... — повторил он то, что прочитал на её бейдже. — Хорошо. Мне нужно будет задать вам несколько вопросов. Позже. Наедине. Если позволите.

Слово «наедине» обрело вес. Летисия почувствовала, как халат, еще минуту назад казавшийся броней, стал тонким, как бумага.

Она не успела ответить. Почувствовала взгляды за своей спиной.

Прямо у дверей корпуса, которые Летисия не успела заблокировать стояли сотрудники и подопечные. Вторых было около десятка — в ночных рубашках, в халатах, некоторые босиком. Они смотрели на корабль. Некоторые замороженно смотрели на песок, на который не ступали годами. В их позах Летисия читала то же, что чувствовала сама: оцепенение. Где-то страх. И любопытство. Острое, почти болезненное.

Но не это заставило ее сердце пропустить удар.

Рядом со всеми, чуть в стороне, ближе к воде, стояла Ирис.

Летисия почувствовала, как холод пробежал по спине.

Ирис была в одной ночной рубашке, босая, волосы распущены. Она смотрела не на корабль, а на чужаков. Ее лицо было спокойным, почти безмятежным, и в этом спокойствии было что-то неправильное.

Ирис не должна была быть здесь.

Ей было двенадцать лет. Она была рождена в эксперименте, выращена в инкубаторе, воспитана в закрытой среде. Она никогда не выходила на пляж. Никто из детей не выходил на пляж. Песок был запретной зоной для них.

— Вернитесь в корпус, — сказала Летисия, повышая голос. Женщины услышали. Несколько секунд никто не двигался. Потом Эстер, старшая лаборантка, развернулась и пошла к корпусу. За ней — другие.

Ирис не двинулась.

— Ирис, — позвала Летисия. Голос дрогнул. — Вернись.

Девочка не обернулась.

— Ирис, — повторила Летисия громче. — Это приказ.

Ирис медленно повернула голову. Ее глаза — необычного, янтарного цвета, который Летисия знала так хорошо, потому что сама выбрала этот генотип много лет назад — встретились с глазами Летисии.

— Я видела его, — сказала Ирис.

Голос ее был тихим, но в тишине ночи он прозвучал громче шума воды.

— Во сне. Корабль. Черный, большой. Он шел к нам. Я проснулась, а он здесь.

Летисия шагнула к ней, но Торн опередил ее.

— Тебе нельзя здесь стоять. Ты замерзнешь.

Он сделал шаг к Ирис, и Летисия увидела, как девушка вздрогнула.

— Не трогайте ее, — сказала Летисия.

Торн остановился. Поднял руки.

— Я просто хотел...

— Вы ничего не хотите, — оборвала его Летисия. Она подошла к Ирис и взяла ее за плечи. Девочка была холодной, губы посинели. — Беги в свою комнату.

Ирис посмотрела на неё. В её глазах было что-то, чего Летисия не видела раньше. Спокойствие. И осознание.

— Я хотела увидеть, — сказала Ирис. — То, что я видела во сне. Нам нужны они.

— У нас есть всё. Нам никто не нужен — старалась произнести тихо Летисия, чтобы Торн не услышал этого её убеждения.

Ирис покачала головой.

— У нас нет их. — Она перевела взгляд на Торна. — У нас нет половины.

Её слова повисли в воздухе.

Летисия почувствовала, как что-то внутри неё — что-то, что она строила двадцать лет, дало трещину.

— Ирис, — сказала она, стараясь быть убедительней — Иди в корпус. Пожалуйста.

Девочка посмотрела на нее долгим взглядом. Потом развернулась и пошла к дому.

Летисия смотрела ей вслед, чувствуя, как песок холодит ступни, как ветер треплет полы халата, как за спиной стоит Торн и ждет.

— Кто это был? — спросил он.

Летисия закрыла глаза.

— Моя дочь, — сказала она.

Она открыла глаза и посмотрела на Торна. Он стоял неподвижно.

— У вас есть дочь, — сказал он.

— Эксперимент номер один, если быть точной, — поправила Летисия.

Торн молчал. В его молчании не было согласия, но не было и спора.

— Мне нужно осмотреть все результаты экспериментов, — сказал он. — Завтра с утра, разумеется, как и договаривались.

— Сейчас еще ночь как видите.

— Я знаю. — Он посмотрел на корпус, потом снова на нее. — Я подожду до утра.

Летисия кивнула.

Торн развернулся и пошел к кораблю. У трапа он обернулся.

— Не бойтесь нас, — сказал он.

И скрылся в чреве корабля.

Летисия осталась одна на песке.

Она подняла голову. Небо было черным — без звезд, без луны. Остров на фоне могущественной небесной пустоты был одиноким и безмолвным со стороны. Таким его построили. Мир, который не видит никто. Мир, который видит только она.

Но теперь здесь был корабль. И те, кого не должно быть. И дочь, которая впервые вышла на песок.

Летисия закрыла глаза.

Она вспомнила день, когда Ирис впервые открыла их. Ей тогда казалось, что она держит в руках чудо. Первый ребенок, рожденный без мужского генетического материала. Она смотрела на крошечное личико, на янтарные глаза — свою копию, свою кровь — и думала: *«Теперь ты свободна. Ты не будешь знать того, что знала я. Ты не будешь бояться того, чего боялась я»*.

Она была так уверена.

А теперь стоит на песке, встревоженная, и ждет утра, когда чужак начнет проверять её мир.

Она не знала, что будет дальше. Не знала, почему Ирис видела корабль во сне. Не знала, почему ее тело дрожит сейчас не от холода.

Но она знала одно.

Она — Летисия Пабула, старший научный сотрудник, мать первого ребенка, рожденного без отца, создательница мира, в котором женщины правят женщинами, впервые почувствовала себя уязвимой. Её мир начал складываться как карточный домик, но она четко осознавала, что в случае прямой угрозы она не отступит.

Глава 2

Летисия так и не уснула до самого утра.

Будильник она опередила на несколько часов. Когда он всё же зазвенел, она ударила по нему ладонью достаточно резко. Она всё крутила в голове, что сегодня ей надо быть собранной как никогда. И день, соответственно, стоило начать как профессионалу, а не как женщине, которую выбросило из сна чужим присутствием на берегу.

Она пошла в душ. Стояла под горячей водой, пока тело не перегрелось. Потом надела свой белый халат — такой же, как вчера, но чистый. Летисия всегда была достаточно педантичной в одежде и очень скрупулезна по жизни, чего бы это ни касалось. Иногда её внутренний критик разносил её эго в крах за то, что она позволяла себе расслабиться, позволить чему-то идти не по плану.

Сорок три года, короткая стрижка, темные волосы, в которых уже давно пробивались седые нити, — она выглядела ровно на свой возраст, ни старше, ни моложе. И это её устраивало. Она не хотела выглядеть моложе — молодость ассоциировалась у неё с уязвимостью и отсутствием внутреннего стержня.

Седина в волосах появилась не вдруг. Она пробивалась медленно, по волоску, в тот год, когда Ирис начала проходить программу базальной нейродинамики.

Так назывался курс, который Клара разработала для детей второго поколения, когда Ирис исполнилось три года. Второе поколение — так на острове называли девочек, рожденных уже в рамках эксперимента. Первое поколение — они сами, двадцать три женщины, приплывшие сюда двадцать лет назад. У каждой была своя история, своя боль, своя надежда. Они помнили внешний мир. Второе поколение не знало ничего этого. Они были рождены в инкубаторах или выношены матерями, которые выбрали естественное вынашивание — таких оказалось не много, но каждая из них шла на это осознанно. Главное же оставалось неизменным: их генетический материал был исключительно женским.

Партеногенез, инициированный химической активацией яйцеклеток, давал стабильную XX-кариотипию без примеси мужских гамет. Теоретически — чистый генофонд. Практически — эксперимент, который должен был доказать, что жизнь может зарождаться и развиваться без участия Y-хромосомы.

До пяти лет Ирис была просто под наблюдением. Моторные навыки, речь, эмоциональные реакции, когнитивные маркеры — всё в пределах возрастной нормы, даже чуть выше. Клара тогда говорила: *«Она развивается гораздо быстрее обычных детей, но это объяснимо. Идеальные условия, никаких стрессоров, никакой родовой травмы. Инкубатор даёт чистый старт»*. Это было идеально для Летисии.

Но программа базальной нейродинамики была не просто наблюдением. Клара ввела тесты на эмпатию, на распознавание скрытых эмоций, на способность предугадывать действия другого человека, на сенсорную интеграцию и интероцептивную чувствительность. Ирис проходила их с пугающей легкостью. Она не просто понимала — она знала. Ей не нужно было смотреть на лицо, чтобы сказать, что чувствует собеседник. Она считывала это с воздуха. С вибраций, которых никто другой не слышал и не ощущал. Её нейронные паттерны, зафиксированные на энцефалограмме, демонстрировали активацию зон, которые у обычных детей этого возраста оставались в состоянии покоя.

Клара приходила к Летисии каждый вечер. Показывала графики. Сравнивала с нормой. Норма была там, далеко внизу, а показатели Ирис уходили вверх, за пределы шкалы, за пределы того, что Клара могла объяснить.

«Её мозг работает иначе, — сказала Клара тогда. — Не лучше и не хуже. Иначе. Она чувствует то, чего не чувствуем мы. Она знает то, чего не должна знать. Я не знаю, как это объяснить».

Летисия всматривалась в те самые графики, цифры, на дочь, которая спала в своей комнате, и чувствовала, как внутри что-то сжимается. Проверяла протоколы, генетические карты, сравнивала с исходными данными. Всё было в норме. Всё было в порядке. Ирис была здорова. Ирис была идеальна. *«Она ведь и в действительности не могла быть на сто процентов такой, как все»* — именно это вертелось в голове Летисии, когда она знакомилась с результатами тестов Ирис.

И Летисия, стоя перед зеркалом на какую-то там бессонную ночь, вдруг увидела белую прядь. Она не стала её закрашивать. Оставила как напоминание: контроль имеет цену.

Прежде чем идти к кораблю, она должна была проверить, что внутри всё идет как положено. Но сначала — кофе. Крепкий, горячий, чтобы собрать мысли в кулак.

Она вошла в столовую и остановилась.

Там царила тишина. Не та утренняя, сонная, когда женщины перебрасываются короткими фразами, не глядя друг на друга. Другая. Глубокая. Давящая.

За столами сидели все. Те, кто обычно обходит корпус, просыпаясь гораздо раньше её. Элла, биолог-репродуктолог, самая молодая из старших сотрудниц, — она вертела в руках пустую чашку, не поднося её к губам. Клара, психолог, наблюдающая за вторым поколением, — сидела прямо, сцепив пальцы, и смотрела на Летисию в упор. Мэй, единственная, кто ночью с первого раза не ослушалась приказа, — сейчас боялась поднять глаза.

Все они молчали. Ждали.

Летисия прошла к кофемашине, налила себе чашку.

— Кто они? — голос Эллы прозвучал громко в тишине.

Летисия повернулась. Сделала глоток. Кофе обжег язык, но она не поморщилась.

— Наши. Корпорация прислала проверку. — Она обвела взглядом комнату. — Да, мы не были готовы. Да, они меня не предупредили. Но, видимо, на неожиданность был расчет. Самолет со всем необходимым должен был прилететь через неделю.

— А вдруг они нас обманывают? — спросила Валери. Голос у неё дрожал, хотя она пыталась этого скрыть. — Вдруг это не те люди, за которых хотят себя выдать? Столько лет не ступать на нашу территорию, чтобы спустя время сделать это так небрежно...

— Я видела печать корпорации. — Летисия встретила взглядом с каждой из них. — Надеюсь, мое спокойствие наделяет спокойствием и вас. Давайте не будем придумывать причины, по которым наша жизнь превратится в суетливое угадывание.

Никто не ответил.

Летисия допила кофе, поставила чашку на стойку. Взяла планшет, проверила расписание. Всё шло по графику. Лаборатории работали. Сотрудники были на местах. Если не считать восьми чужаков на пляже, утро ничем не отличалось от любого другого.

Она прошла мимо столов, не оглядываясь. У выхода задержалась.

— Клара, — сказала она, не оборачиваясь. — Зайди ко мне через час.

Не спросила. Сказала.

Клара пришла ровно через час. Летисия знала, что так и будет. Клара всегда была точной. Пунктуальность была их общей чертой — ещё с тех времен, когда они вместе начинали.

— Садись, — Летисия кивнула на стул напротив. Сама осталась стоять у окна. Окна здесь, в её кабинете, были. Не для того, чтобы смотреть наружу — на них были наклеены матовые пленки, пропускающие только свет. Она смотрела в белое, ни во что.

— Ты хотела меня видеть, — сказала Клара. Не вопрос. Констатация.

— Хотела. — Летисия помолчала. — Ты была на пляже. Ты видела их.

— Я была на пляже, потому что проснулась от шума. Как и все.

— Ты осталась, когда я сказала вернуться.

Клара не ответила. Летисия повернулась к ней. Клара сидела прямо, руки на коленях, лицо спокойное. Слишком спокойное. Летисия знала этот взгляд — Клара смотрела на неё как на пациентку, которая не готова услышать правду.

— Что ты хочешь от меня услышать, Летисия?

— Правду. — Слово вырвалось раньше, чем она успела его остановить. — Ты осталась, потому что хотела их видеть. Почему?

Клара молчала долго. Летисия считала секунды.

— Потому что я ждала, — наконец сказала Клара.

— Что?

— Я не знаю. Что-то. — Клара посмотрела на свои руки, потом снова на Летисию. — Мы здесь так долго, Летисия. Ты помнишь, как мы сюда попали?

Летисия помнила.

Она помнила объявление, разосланное по закрытым университетским чатам. *«Научный проект. Полная изоляция. Долгосрочное финансирование. Требуются женщины-ученые с профильным образованием»*. Ни слова о том, что проект будет строить новый мир. Ни слова о том, что мужчин там не будет. Это пришло позже. На собеседовании. Когда их собрали в одной комнате, и каждая смотрела на других с недоверием и надеждой.

Она помнила женщину в строгом костюме, которая говорила о «генетической автономии», «партеногенезе», «новой модели общества». Слова были красивыми. Но Летисия слышала не их. Она слышала тишину. Тишину, в которой можно проснуться и не бояться.

Она помнила тот самый корабль, который отвел её в новую жизнь с чистого листа. Женщины на палубе, ветер, соленые брызги. Кто-то смеялся. Кто-то плакал. Рядом стояла Клара. Они не были знакомы тогда — просто две женщины, которые смотрели, как берег исчезает в тумане.

— Я помню, — сказала Летисия. — Я помню каждую...

Эстер, вирусолог, пришла сюда не от хорошей жизни. Её диссертацию трижды отправляли на доработку — каждый раз с формулировками, от которых пахло не наукой, а чьим-то нежеланием видеть в ней коллегу. А тот самый молодой человек, который защитился годом позже, с нужными знакомствами и нужными людьми в нужных кабинетах, без вопросов получил кафедру. Она не хотела его места. Она хотела, чтобы её работа значила не меньше, чем его умение договариваться.

Элла, репродуктолог, пришла, потому что устала слышать: «Сначала карьера, потом семья». Или наоборот: «Рожай, пока не поздно, наука никуда не убежит». Она не хотела выбирать. Она хотела и то, и другое — и ей обещали, что на острове так будет. Что технология позволит не жертвовать ничем. Что можно растить ребёнка и одновременно делать открытия, не оглядываясь на чужие ожидания. Она поверила.

Синтия, генетик, пришла, потому что устала. Устала доказывать, что её идеи имеют право на существование, когда их уже кто-то присвоил. Устала от того, что её называли «находчивой ассистенткой» после того, как она сделала половину работы.

Мэй, тогда еще студентка, пришла, потому что верила в чудо. Ей было всего восемнадцать, она носила очки с толстыми линзами и читала научную фантастику. Когда ей сказали, что можно построить новый мир, она спросила: «А там будут единороги?» Ей до сих пор стыдно вспоминать эту фразу.

Анна, биолог, пришла, потому что не могла оставаться в городе, где её преследовал бывший. Она никому не рассказывала подробностей — и никто не спрашивал. На острове она не пряталась, а просто перестала оглядываться. Её утро больше не начиналось с проверки замков

и чужих шагов за дверью. Здесь она впервые за долгое время смогла дышать полной грудью, не боясь, что этот вдох кто-то прервёт.

Валери, инженер систем жизнеобеспечения, пришла, потому что ей надоело чинить чужое. Восемь лет она латала дыры в проектах, которые мужчины называли своими. На острове она построила систему, которой гордилась больше, чем любым дипломом.

Клара, психолог, пришла, потому что хотела понять: можно ли вырастить человека без травмы. Остров был для неё идеальной лабораторией. Но она никогда не вникала в технические детали. Её дело было не в том, как создается жизнь, а в том, как она растет.

И другие. С разными историями. С разной болью. С разной надеждой.

Они не были жертвами. Они были учёными, аспирантками, студентками, женщинами, которые в какой-то момент сказали: «Я хочу жить иначе». Им предложили изоляцию, возможность создать что-то с нуля — взамен на полное доверие к тому, кто дал им этот шанс. Они согласились.

— Корпорация дала нам этот остров, — сказала Летисия. — Оборудование. Финансирование. Смысл в конце концов. Мы сами выбирали, с кем работать. Сами писали протоколы. Единственное условие — полная изоляция. Чтобы никто не мешал. Чтобы эксперимент был чистым.

— Чистым... — Клара усмехнулась, но в голосе не было веселья. — Ты веришь в чистоту, Летисия?

— Я верю в то, что мы строили.

— А что мы строили? — Клара подалась вперед. Впервые за весь разговор в её голосе появилась живость. — Мы строили мир без мужчин. Но что мы знали о мире без мужчин? Мы знали только то, что хотели от него сбежать. Каждая по-своему. Ты — от отца. Эстер — от кафедры, где её не брали всерьёз. Мэй — от скуки и фантазий о единорогах. Анна — от человека, который её преследовал. Мы все бежали. А ты когда-нибудь спрашивала себя — куда?

Летисия молчала. Она смотрела на Клару и чувствовала, как внутри поднимается что-то горячее, почти злое, но она успешно подавила это.

— Мы строили убежище, — сказала она. — Место, где женщины могут быть свободны.

— Свободны от чего? От мужчин? Но мужчины не исчезли, Летисия. Они просто остались там, за океаном. Мы не построили новый мир. Мы спрятались от старого.

— А что в этом плохого? — Летисия повысила голос. — Что в этом плохого — захотеть жить там, где тебя не унижают, не используют? Где ты можешь заниматься наукой, а не доказывать, что ты имеешь на это право? Где ты можешь родить ребенка и не бояться, что его отец...

Она остановилась. Не договорила.

Клара смотрела на неё. В её взгляде не было жалости. Не было победы. Было что-то другое.

— Ирис, — тихо сказала Клара. — Расскажи мне про Ирис. Про то, как она появилась.

Летисия удивилась. Клара никогда не спрашивала об этом раньше. Её дело было наблюдать за детьми после рождения. Она не вникала в лабораторные будни, не интересовалась технологией активации. Протоколы, питательные среды, инкубаторы — всё это было за пределами её компетенции. Она наблюдала за детьми, когда они уже появились на свет.

— Почему ты спрашиваешь сейчас?

— Потому что я смотрела на неё это ночью, — сказала Клара. — И поняла, что ничего не знаю о том, как она появилась. Я знаю, какой она выросла. Но не знаю, как она стала.

Летисия подошла к окну, прижалась лбом к холодному стеклу. Белая пленка, свет, ничто.

— Это было не сразу, — сказала она. — Первые пять лет мы только готовили базу. Настраивали оборудование. Проверяли протоколы. Мы не знали, получится ли вообще. Парте-ногенез на человеческих яйцеклетках — это не мыши и не кролики. Элла говорила, что шансов

мало. Синтия — что генетический материал будет нестабильным. Я... я не слушала. В животном мире это норма для некоторых ящериц, рыб и насекомых. У млекопитающих, включая человека, этому мешает эволюционный механизм — геномный импринтинг. Я знала это. И я знала, что у некоторых заокеанских коллег-биологов вроде бы получилось преодолеть отдельные барьеры. До нас доходили слухи, обрывки статей, намёки в закрытых переписках. Кто-то на Большой земле уже пробовал, ошибался, начинал заново — и мы чувствовали, что за нами стоит не просто корпорация, а чьи-то давние попытки, обрывки знаний, которые нам передавали, не называя имён. Это придавало сил. Я верила, что у нас рано или поздно получится.

Она замолчала. Клара молчала тоже.

— В общей сложности шесть лет на первую удачную активацию. Шесть лет, Клара. Сотни яйцеклеток. Сотни попыток. Элла плакала по ночам, когда очередная культура погибала. Синтия хотела всё бросить. А я сидела в лаборатории и смотрела на мониторы. Я не могла остановиться.

— Почему?

— Потому что если бы я остановилась, — Летисия повернулась к Кларе, — если бы я допустила, что это невозможно, то что бы у меня осталось? Остров? Лаборатория? Двадцать три женщины, которые сбежали от своей боли? Этого было мало. Мне нужно было доказательство. Доказательство, что мы можем. Что мы не просто прячемся. Что мы создаем.

— И ты создала.

— Мы создали. — Летисия села напротив Клары. — Я лишь контролировала каждый этап.

— Но как? — Клара нахмурилась. — Как вы сделали это без мужского материала? Я никогда не вникала в техническую сторону. Для меня это была магия.

Летисия почти улыбнулась. Магия. Клара всегда так говорила о том, что выходило за пределы её компетенции.

— Это не магия, — сказала Летисия. — Это наука. Очень простая, если разобраться. У нас были яйцеклетки разных женщин. Но после кучи экспериментов их вовсе не осталось, и мы использовали мои.

— Твои?

— Да. Мы взяли мои яйцеклетки и активировали их химически. Без сперматозоида. Использовали ионизирующее излучение и специальные реактивы, которые имитируют оплодотворение. Клетка думает, что сперматозоид проник внутрь, и начинает делиться. Это и называется партеногенез.

Она говорила спокойно, объясняя, как на лекции.

— Дальше — самое сложное. Эмбрион должен развиваться. Мы поместили его в инкубатор. Идеальная температура, идеальная питательная среда, идеальный контроль. Никаких рисков, которые несет беременность. Никаких гормональных скачков. Никакого стресса.

— Ты не хотела вынашивать сама?

— Я хотела, чтобы она была свободна. — Летисия посмотрела на свои руки. — От меня. От моих страхов. От моей... — она не договорила. — Инкубатор давал чистоту. Никакой передачи через кровь, через плаценту. Только генетика. Только то, что заложено. Я не хотела, чтобы она чувствовала мою боль. Мои воспоминания. Мой страх перед...

Она замолчала.

— Перед кем? — спросила Клара.

Летисия покачала головой. Не сейчас.

— Мы ждали долго, — продолжила она. — Очень долго в ожидании у мониторов, пока первая культура стала эмбрионом. Просто представь, ни одна яйцеклетка в результате эксперимента не была реализована и только с моей всё случилось. Потом еще девять месяцев в

инкубаторе. Я смотрела, как она растёт. Как бьётся её сердце. Как формируются пальцы. Как она открывает глаза.

— А потом?

— А потом она родилась. — Летисия почувствовала, как голос дрогнул. — Первый ребёнок, рожденный без мужского генетического материала. Мы назвали её Ирис. В честь радуги. Потому что после дождя всегда появляется свет.

Клара смотрела на неё долгим взглядом.

— А другие женщины? — спросила она. — Они тоже использовали инкубатор?

— Мы дали им выбор, — сказала Летисия. — Любая могла использовать инкубатор. Или выносить сама. Это было наше решение. Мы не хотели повторять старый мир, где женщине диктуют, что делать с её телом. Каждая решала сама. Кто-то выбрал инкубатор. Кто-то, как ты знаешь — нет.

— А ты? Ты выбрала инкубатор, потому что боялась передать Ирис себя. Достаточно иронично.

— Я выбрала инкубатор, потому что хотела, чтобы она была свободна. С самого начала.

Летисия замолчала. Слова повисли в воздухе — тяжёлые, давно не произносимые вслух.

Клара не отвела взгляда. Сидела неподвижно, сцепив пальцы на коленях, и смотрела на неё с той спокойной внимательностью, которая всегда казалась Летисии то ли профессиональной, то ли слишком глубокой. Сейчас она поняла: ни то и ни другое.

Клара не задавала вопросов, чтобы получить ответ. Она задавала их, чтобы Летисия услышала себя.

— Свободна... — Клара усмехнулась, но в голосе не было веселья. — Ты уверена, что это возможно? Быть свободной от матери?

Летисия почувствовала, как что-то кольнуло в груди.

— Что ты хочешь сказать?

Клара посмотрела на неё долгим взглядом. Летисия ждала.

— Ничего, — сказала Клара. — Ничего, Летисия.

Она встала. Летисия не двинулась с места.

— Ты уходишь?

— Я устала. Ночь была долгой.

Она направилась к двери. Летисия смотрела ей вслед, чувствуя, что разговор закончился не так, как она ожидала. Что-то осталось недосказанным. Что-то тяжелое, давящее, висело между ними.

— Клара.

Клара остановилась. Не обернулась.

— Ты ничего не хочешь мне сказать о ней? Об Ирис?

Долгая пауза. Летисия видела, как напряжены плечи Клары. Как она сжимает дверную ручку, но не нажимает.

— Она хорошая девочка, — сказала Клара. — Ты хорошо её воспитала.

— Это не то, что я спросила.

Клара обернулась. В её глазах было что-то, чего Летисия не могла прочитать. Усталость ли?

— Ты хочешь знать, что я вижу, когда смотрю на Ирис? — спросила Клара.

Летисия не ответила. Клара шагнула к ней.

— Я вижу девочку, которая слышит то, чего не слышим мы. Которая видит сны, которые становятся реальностью. Которая знает то, чего не должна знать. — Клара помолчала. — Ты создала её в инкубаторе, Летисия. Ты думала, что защитишь её от себя. Но ты забыла, что гены — это не всё. Она росла на этом острове. В этом мире, который ты построила. И она стала

такой, какая есть. Не потому, что ты передала ей свою боль. А потому, что она живет здесь. С нами. С тобой.

Летисия молчала. Она смотрела на Клару и чувствовала, как внутри разрастается холод. — Что с ней? — спросила она. — Что с моей дочерью?

Клара покачала головой. И вышла.

Летисия осталась одна. Она подошла к окну.

Закрыла глаза и увидела тот день. Сигнал на мониторе. Первое деление. Клетка, которая стала Ирис. А теперь она стояла в кабинете, где не было настоящих окон, и чувствовала, как мир, который она строила, начинает трещать по швам. И Клара, её Клара, что-то знала. Что-то об Ирис. Что-то, чего Летисия не хотела знать.

Она открыла глаза. В белом стекле она увидела своё отражение — и в нём, на мгновение, лицо Ирис. Летисия провела ладонью по стеклу, стирая несуществующее пятно. Внешний мир постучался в её дверь, и в этом стуке она слышала не только угрозу, но и обещание.

Она повернулась к двери. Сегодня ей придется встретиться с Торном. И, возможно, ответы, которых она так боялась, начнут приходить.

Глава 3

Летисия шла по берегу очень медленно, всё дальше передвигаясь в сторону корабля, из которого уже были слышны голоса «ревизоров». В голове крутились мысли о том, как не стоит себя вести с Торном, а на что конкретно ей надо было бы обратить его внимание. Она думала, что стоит начать с важных аспектов, которые покажут всю стабильность их системы — например, с протоколов генетической стабильности или с показателей здоровья второго поколения, но потом решила, что пусть спрашивает сам. Так безопаснее. Каждое её слово могло стать трещиной, каждое лишнее объяснение — приглашением копать глубже. Не потому, что она делала что-то не согласованное с корпорацией. А потому, что правда, которую она сама от себя прятала, могла выйти наружу при первом же неосторожном вопросе.

Песок под ногами был влажным. Ночной прилив оставил на нём полосы пены, водоросли, мелкие ракушки, которые хрустели под подошвами. Летисия смотрела под ноги, чтобы не наступить на что-то острое, и считала шаги. Сто двадцать три. Сто двадцать четыре. Сто двадцать пять. Ступени лестницы успокаивали её прошлой ночью — там был ритм, предсказуемость, математика. Шаги по песку — нет. Песок был ненадёжным, каждое движение приходилось выверять заново. Она чувствовала, как кеды промокают — утренняя роса пропитала ткань, и пальцам стало холодно, а потом этот холод начал подниматься выше, к щиколоткам, к икрам. Но она не остановилась. Не могла позволить себе выглядеть слабой. Не перед ними. Не перед ним.

Она подняла голову. Корабль стоял на том же месте, что и ночью, — чёрный, огромный, с закрытыми иллюминаторами, похожими на глаза спящего зверя. С трапа никто не спускался. Но голоса были — приглушённые, мужские, они доносились откуда-то изнутри, смешивались с механическим гулом, с низким вибрирующим звуком, который Летисия чувствовала не ушами, а грудной клеткой. Она вслушивалась в эти голоса и не могла привыкнуть. Низкие. Грубые. Чужие. Они резали слух, заставляли внутренности сжиматься, вызвали что-то древнее, животное, то, что она считала давно похороненным. Она думала, что за ночь привыкнет. Не привыкла. И поняла, что, возможно, не привыкнет никогда.

Она остановилась в нескольких метрах от трапа. Не подошла ближе. Ждала.

Сердце колотилось где-то в горле — она чувствовала его биение языком, нёбом, каждой клеткой. Она засунула руки в карманы халата, сжала кулаки. Ногти впились в ладони — больно, остро, но это помогало держать лицо спокойным. Летисия смотрела на трап и ждала. Считала удары сердца. Десять. Двадцать. Тридцать. Пятьдесят.

Из чрева корабля вышел Торн.

Он был один. Без планшета, без свиты, без сопровождающих. Летисия моргнула, подумала, что сейчас из корабля выйдут остальные — капитан с нашивками, техники с инструментами. Но трап оставался пустым. Торн спускался один, и это было странно. Неправильно. Она ожидала делегацию, официальную группу, людей с блокнотами и диктофонами, которые будут записывать каждое её слово, фиксировать каждый жест. А он вышел один — в простой серой футболке, тёмных штанах, с лёгкой небритостью, которая делала его лицо более жёстким, что ли. Как будто собрался на прогулку по пляжу, а не на проверку секретного объекта, о котором знали только избранные.

Летисия почувствовала, как внутри шевельнулось что-то, похожее на уважение. И сразу же — страх. Человек, который идёт один, либо уверен в своей силе, либо ему нечего терять. Она не знала, что хуже. Уверенность может быть слепой. Отчаяние — опасным. А Торн не выглядел ни слепым, ни отчаявшимся. Он выглядел как человек, который всё просчитал.

Под глазами у него залегли тени — он тоже не спал. Или спал плохо, урывками, на жёсткой корабельной койке. Летисия заметила это сразу и почему-то обрадовалась. Ей не хоте-

лось быть единственной, кого ночь вымотала до костей, кто ворочался с боку на бок и считал секунды до рассвета. Волосы у него были влажными — будто он только что умылся или стоял под душем, пытаясь согнать остатки сна. Она представила его в душевой каюте, над раковиной, трущим лицо руками, с закрытыми глазами, и эта картинка показалась слишком интимной. Она отогнала её, но осадок остался.

— Доброе утро, — сказал он, спускаясь по трапу. Голос был хриплым, будто он долго молчал или, наоборот, говорил слишком много и сорвал связки. — Вы рано.

— Я не спала, — ответила Летисия. — Судя по всему, как и вы.

Он кивнул, не отрицая. Остановился на последней ступени, не сходя на песок. Смотрел на неё сверху вниз — и в этом было что-то странное, непривычное. Женщины на острове всегда смотрели на неё снизу вверх или прямо, глаза в глаза. Никто не смотрел так, как этот человек. Его взгляд был тяжёлым, изучающим, но не враждебным. Скорее — выжидающим. Как будто он знал что-то, чего не знала она, и ждал, когда она сама догадается, сама сделает первый шаг, сама раскроет карты.

Летисия оглянулась на корабль. Трап пуст. Иллюминаторы тёмные — ни огонька, ни движения за стеклом. Тишина.

— Вы один? — спросила она, не скрывая удивления. Голос прозвучал выше, чем она хотела, — в нём проскользнуло что-то детское, почти испуганное. Она ненавидела себя за это.

— А вы ждали делегацию? — Торн почти улыбнулся, но улыбка не затронула глаза. Они оставались серьёзными, даже жёсткими. — С бумагами, печатями, свидетелями, которые будут кивать каждому моему слову?

— Я ждала, что проверку будет проводить группа. Так было указано в том документе, который вы мне предоставили ночью. — Летисия почувствовала, как в голосе проступает сталь. — Документ ведь был подписан корпорацией.

— Я меняю условия по своему усмотрению. Мне нужны не формальности. Мне нужно понять, что здесь происходит на самом деле. А не то, что вы решили записать в отчёты.

Он спустился на песок. Сделал шаг к ней, потом другой. Летисия не отступила. Она заставила себя стоять на месте, хотя каждая клетка тела кричала отодвинуться, создать дистанцию, восстановить границу. Он остановился рядом — слишком близко. Она чувствовала его запах. Что-то химическое, возможно, дезинфекция, которой обрабатывают корабельные каюты. И ещё — кофе. Горький, крепкий, с нотками кардамона или чего-то подобного. Она поняла, что он уже пил кофе сегодня, и почему-то это её разозлило. Словно он украл у неё несколько минут спокойной жизни, пока она стояла здесь, на ветру.

— Тогда идёте, — сказал он, и это не было вопросом.

Они пошли к корпусу. Молча. Летисия слышала его дыхание — ровное, глубокое, спокойное. Своё она старалась контролировать, но получалось плохо: оно было слишком частым, слишком поверхностным. Песок хрустел под ногами — её шаги были лёгкими, почти бесшумными, как у кошки, его — тяжёлыми, уверенными, как у человека, который привык, чтобы ему уступали дорогу. Она чувствовала, как песок оседает под его весом, и думала о том, что этот человек оставляет следы. Глубокие. Заметные. Такие, которые не сотрутся быстро ни ветром, ни приливом.

Она чувствовала его затылком — там, где кончались волосы и начиналась шея, кожа будто знала, что он идёт следом. Каждый его шаг отдавался в позвоночнике, как удар метронома. Тяжёлый. Размеренный. Неумолимый. Она пыталась представить его лицо сейчас — смотрит ли он на неё или рассматривает корпус, оценивает ли её походку или просто ждёт, когда она заговорит первой. Но не оборачивалась. Не могла. Оборачиваться значило признать, что он влияет на неё. А она не хотела давать ему этой власти.

— Вы одна управляете всем этим? — спросил Торн, когда они дошли до двери. Он кивнул на корпус.

— У меня есть команда, — ответила Летисия. — Без неё я была бы никем.

— Я видел их, — он кивнул на стеклянную дверь, за которой виднелся пустой коридор.
— Вчера ночью. Они смотрели на нас. Как на пришельцев.

— Испугались, — сказала Летисия. — Мы не привыкли к гостям.

— А вы? — Торн повернулся к ней. — Вы привыкли?

Летисия достала чип-ключ, провела по датчику. Дверь щёлкнула, и она почувствовала, как механизм ожил — тихое жужжание, щелчок, ещё один, влажное дыхание системы кондиционирования. Система работала. Хотя что-то в этом мире оставалось предсказуемым.

— Бывалые ученые мало чего боятся, наверно только лишь себя, — сказала она, не глядя на него.

Она толкнула дверь и вошла первой.

Коридор встретил их тишиной. Лампы больше не мигали — горели ровно, тепло, как и положено, заливая пространство мягким золотистым светом. Она подняла голову, посмотрела на потолок, на ряды светильников — все горели ровно, без пульсации. Ей захотелось погладить стену, поблагодарить систему за то, что она не подвела в самый ответственный момент.

— С чего хотите начать? — спросила Летисия, оборачиваясь. Голос прозвучал ровно, спокойно, даже холодно. Она гордилась этим.

Торн оглядывался. Медленно, внимательно, как человек, который привык замечать детали. Он рассматривал стены, потолок, двери по бокам, таблички с номерами, датчики движения, камеры наблюдения — всё, что она проектировала двадцать лет назад, чтобы чувствовать себя в безопасности. Летисия видела, как его взгляд задерживается на каждой детали, как он считает, запоминает, анализирует. Она знала, что он видит. Система контроля доступа. Датчики движения. Камеры наблюдения. Гермодвери. Аварийные выходы. Всё, что она построила, чтобы защитить своих женщин от внешнего мира. И всё, что теперь, возможно, работало против неё.

— Покажите лаборатории, — сказал он наконец. — Те, где вы создаёте жизнь.

Слово «жизнь» в его устах прозвучало странно. Не как у учёного — нейтрально, безэмоционально. Не как у врача — профессионально, с оттенком заботы. А как у человека, который не привык говорить о таком вслух, для кого это слово было слишком большим, слишком важным, чтобы бросаться им налево и направо. Летисия подумала, что, возможно, он избегает этого слова. Или, наоборот, ищет его, пробует на вкус, пытается понять, что оно значит в контексте этого острова, этих женщин, этих детей.

Она кивнула и пошла вперёд. Он — следом. Шаги отдавались от стен — её лёгкие, почти бесшумные, его тяжёлые, уверенные, с лёгким металлическим отзвуком. Она чувствовала его присутствие лопатками, позвоночником, затылком — каждой точкой спины, которая была обращена к нему. Он не касался её, но давил. Как рука, положенная на плечо. Тяжёлая. Чужая. Она хотела обернуться, сказать что-то резкое, одёрнуть его, поставить на место. Но сдержалась. Потому что это было бы признанием слабости. А слабость она не могла себе позволить.

— Двадцать лет жизни в этих стенах, — сказал Торн. — Читал в отчётах. Вы приплыли сюда в составе первой группы. Двадцать три женщины.

Он говорил спокойно, перечислял факты, будто проверял, не ошиблась ли память. Летисия шла молча, чувствуя, как напряжение сдавливает грудь.

— А дети, — продолжал Торн. — Все рождены здесь. Первая — Ирис.

— Вы хорошо изучили отчёты, — сказала она.

— Я изучил всё, что касается этого объекта, — ответил Торн. — Но отчёты — это бумага. Я хочу увидеть своими глазами.

Он посмотрел на неё, выжидая.

Летисия смотрела на него несколько секунд, потом развернулась и пошла дальше.

Летисия, не выдержав, остановилась. Вновь развернулась. Торн тоже остановился — в двух шагах, не ближе, ровно на расстоянии вытянутой руки. Его лицо было спокойным, почти безразличным, но глаза — нет. В них было что-то, чего она не могла прочитать. Беспокойство? Любопытство? Или что-то более тяжёлое, тёмное, то, для чего у неё не было названия, но что заставляло её внутренности сжиматься в тугий узел.

— Откуда вы знаете её имя? В отчетах нет имен, только номера. — спросила Летисия. Голос прозвучал резче, чем она хотела. В нём проскользнуло что-то собственническое, почти агрессивное.

— Вы сами назвали его. Вчера. На пляже, — сказал Торн. — Еще вы сказали: «Это моя дочь».

Летисия не помнила. Или помнила, но вытеснила, стёрла из памяти, как стирают ненужные файлы. Слишком много всего было в той ночи. Слишком много слов, которые она сказала, не подумав. Слишком много правды, которую она позволила себе на секунду — одну единственную секунду, — и теперь эта правда висела между ними, живая, дышащая, неопровержимая.

— Да, — сказала она, выпрямляя спину. — Она первая.

Торн кивнул. Не задал больше вопросов. Летисия почувствовала, что он ждёт чего-то. Объяснений? Оправданий? Признания? Она не стала их давать. Она развернулась и пошла дальше, быстрее, чем раньше. Руки в карманах снова сжались в кулаки.

Она привела его в лабораторию — туда, где всё начиналось. Где стояли инкубаторы в три ряда, по шесть штук в каждом. Восемнадцать капсул из матового стекла и полированного металла, соединённых трубками и проводами с центральным компьютером. Восемнадцать возможностей. Сейчас работали только четыре — в них мерцали зелёные огоньки, сигнализирующие о нормальном развитии. Остальные четырнадцать стояли тёмные, пустые, с закрытыми крышками. Ждали.

В лаборатории пахло стерильностью и реактивами — острый, синтетический запах, смешанный с чем-то сладковатым, почти приторным. На мониторах мерцали графики и цифры, показатели pH, температуры, уровня кислорода. Летисия вошла первой и встала у входа, скрестив руки на груди. Наблюдала за ним.

Торн вошёл следом и замер.

Он медленно обошёл помещение. Рассматривал оборудование — не касался, но смотрел долго, впитывая каждую деталь, каждую царапину на корпусах, каждый потёкший шов. Летисия видела, как его взгляд скользит по инкубаторам, по стеллажам с пробирками, по холодильникам с образцами, по компьютерам, на экранах которых танцевали разноцветные линии. Она видела, как он считает капсулы, как отмечает про себя, сколько из них работают, а сколько нет.

— Здесь, — сказала Летисия, нарушая тишину. Её голос прозвучал громко в стерильной пустоте. — Здесь мы создали Ирис. И всех остальных.

Торн остановился у одного из пустых инкубаторов. Посмотрел на прозрачную крышку, на трубки, на датчики. Летисия видела его отражение в матовом стекле — усталое лицо, тени под глазами, глубокую складку между бровями, которая появлялась, когда он о чём-то напряжённо думал.

— И сколько их всего? — спросил он, не оборачиваясь. — Детей?

Летисия помолчала. Стоило ли говорить правду? Он всё равно узнает. У него есть доступ к документам, к корпоративным архивам. Вопрос времени. Или она сама может выбрать, сколько правды ему открыть.

— Двенадцать, — сказала она.

— И все девочки?

— Другого не дано, — ответила Летисия. — Партеногенез даёт только женский пол. Это биология.

Торн повернулся к ней. В его глазах было что-то, чего Летисия не могла прочесть.

— Покажите мне их, — сказал он.

— Это невозможно, — ответила Летисия. — Они не для проверки.

— Они — часть эксперимента, — возразил Торн. — А эксперимент — то, ради чего я здесь. Или вы забыли, кто вас финансирует?

Летисия почувствовала, как внутри поднимается гнев — горячий, колющий, неконтролируемый.

— Вы увидите их, — сказала она, стараясь говорить ровно. — Но не сейчас. Сначала — лаборатории. Бюрократия. Дети — потом.

— Когда? — спросил Торн.

— Когда я буду уверена, что вы не причините им вреда.

Торн усмехнулся. Коротко, беззвучно, одними уголками губ.

— Я здесь не для того, чтобы причинять вред, Летисия, — сказал он.

Он прошёл мимо неё к двери. Остановился на пороге, не оборачиваясь.

— Вы знаете, — сказал он, глядя в пустой коридор. — Вы правы, я тоже не спал эту ночь. Не потому, что мешал шум. А потому, что смотрел на ваш остров и думал. Двадцать лет изоляции. Двадцать лет без личного взаимодействия с внешним миром. Как это возможно? Такова цена науки?

Летисия молчала. Она смотрела на его спину — широкую, напряжённую, с выступающими лопатками. На то, как он сжимает дверную ручку, но не уходит. На то, как его пальцы слегка дрожат — или ей только показалось?

Он вышел в коридор.

В голове билась одна мысль, о том что в последнее время слишком много людей сомневаются в том, что цели ее жизни и жертвы были не оправданы. Сначала Карла, а потом и самоуверенный Торн, где разница между ними лишь в том, что Карла провела с Летисией бок о бок много лет, а Торн появился по большому счету всего лишь шесть часов назад.

Она выдохнула. Медленно. Глубоко. Так, как учила себя в самые тяжёлые моменты. Выпрямила спину. Поправила воротник халата.

И пошла за ним.

Глава 4

Летисия предложила Торну пообедать не потому, что была гостеприимна.

Ей нужно было отдышаться.

Архив, его вопросы, молчание в коридорах — всё это давило, сжимало грудную клетку, мешало дышать. Она чувствовала, что ещё немного — и сорвётся. Была на грани. Скажет что-то лишнее. Или не скажет ничего, но он прочтает всё по её лицу, по тому, как дрожат руки, как она слишком часто моргает.

Она не могла себе этого позволить.

Обед — это нейтральная территория. Еда, стол, паузы, когда можно жевать, а не говорить. Время, чтобы собраться, выровнять дыхание, вспомнить, кто она и зачем здесь.

— Уже обеденное время, — произнесла Летисия всматриваясь в часы на своем правом запястье — Вы вообще завтракали? — спросила она, когда они вышли из архива.

— Нет, — ответил Торн — Не успел.

— Тогда идёте.

Она не смотрела на него. Пошла вперёд быстрым шагом.

В столовой былолюдно.

Обед только начался, и почти все сотрудницы были на местах. Летисия вошла первой и сразу почувствовала, как меняется атмосфера. Разговоры не стихли — они стали другими. Тише. Осторожнее. Женщины смотрели на Торна. Не тайком, воруя взгляды, а открыто. Изучающе.

Кто-то замер с ложкой у рта. Кто-то переглянулся с соседкой. Мэй, разливавшая суп за раздаточной стойкой, пролила мимо тарелки и даже не заметила.

Летисия прошла к свободному столу у стены. Села так, чтобы видеть всех. Торн сел напротив.

Взгляды женщин жгли спину.

— Не каждый день видят мужчину, — заметил Торн, оглядываясь по сторонам. — Я чувствую себя экспонатом.

— Привыкайте, — ответила Летисия. — Здесь это надолго.

— Вы тоже так на меня смотрели? На пляже?

— Я смотрела на корабль.

— А на меня нет?

Она не ответила. Взяла ложку, помешала суп. Торн улыбнулся краем губ — не насмешливо, скорее устало.

— Давно вы в корпорации? — спросила Летисия, меняя тему.

— Одиннадцать лет, — ответил Торн. — До этого работал в гражданской авиации. Потом переквалифицировался.

— С неба на землю?

— С логистики на проверки. Скучно звучит, но на деле интереснее. Люди сложнее самолётов.

Летисия отложила ложку.

— И часто вас посылают на такие объекты?

— Таких объектов, как ваш, нет больше нигде, — сказал Торн спокойно. — Я видел закрытые лаборатории, военные базы, исследовательские станции в вечной мерзлоте. Но женский остров, где двадцать лет никто не ступал на берег извне — это впервые.

— И что вы чувствуете?

— Любопытство. — Он взял хлеб, отломил кусок. — И уважение. Построить такое с нуля, в изоляции, без внешней поддержки — это требует характера.

Летисия посмотрела на него внимательнее.

— Вы правда так считаете, или это ирония?

— Я всегда говорю то, что думаю. — Он положил хлеб обратно. — Но если вам неприятно, я могу сосредоточиться на супе.

— Неприятно, когда лгут.

— И не собираюсь.

Они помолчали. Летисия чувствовала, как тает лёд — по чуть-чуть, по миллиметру. Она не хотела этого. Но тело расслаблялось само, без её разрешения.

— А вы? — спросил Торн. — Как вы оказались здесь?

— Подписала контракт.

— Это формальность. Я спрашиваю — почему?

Летисия отодвинула тарелку.

— Потому что это был шанс начать заново. Создать нечто уникальное. Нечто большее, чем прелести простой жизни. То, что останется после меня и всех нас. И там, где никто не скажет, что ты недостаточно хороша. Где не нужно доказывать, что женщина может быть учёным, а не просто ассистентом.

— Кто вам это говорил?

— Все. — Она посмотрела на него прямо. — Мир. Система.

Торн кивнул. Не отвел взгляд.

— Амбиции. Понимаю, — сказал он. — Не так, как вы, но понимаю. Я видел, как талантливых женщин задвигали в тень, потому что «так сложилось». Это мерзко. Считаю, в профессиональном научном мире нет места гендерным различиям.

Летисия удивилась. Она не ожидала от него этих слов.

— Вы поэтому пошли в проверяющие? — спросила она. — Чтобы исправлять несправедливость?

— Нет. — Он усмехнулся. — Я пошёл, потому что устал от однообразия. А справедливость — это побочный эффект. Иногда.

Она почти улыбнулась. Почти.

— У вас есть семья? — спросил Торн.

На этот раз в его голосе прозвучала лёгкая неприкрытая ирония. Не злая. Как будто он уже знал ответ и спрашивал только для того, чтобы посмотреть, как она будет выкручиваться.

Летисия напряглась.

— У меня есть дочь. Этого достаточно.

Торн кивнул.

— Но я не про дочь. Я про семью. Муж, родители, братья, сёстры. Те, кто ждёт вас дома.

— Здесь мой дом.

— Значит, нет.

Она не ответила. Он не настаивал. Просто откинулся на спинку стула, сложил руки на груди.

— Простите, — сказал он без тени раскаяния. — Не удержался. Изоляция. Женщины, которые сбежали от мира. Было бы странно, если бы у кого-то из вас остались связи на Большой земле.

Летисия сжала пальцы на коленях под столом.

— Вы задаёте много личных вопросов.

— Вы тоже. Мы квиты.

Она не спорила.

Мэй подошла к столу с подносом, на котором стояли две кружки с компотом. Руки у неё дрожали. Она поставила кружки на стол, одно движение было неловким — компот плеснул на скатерть.

— Извините, — прошептала Мэй и быстро ушла, даже не подняв глаз.

Летисия смотрела ей вслед.

— Она не боится, — сказал Торн. — Она в ужасе. И это не из-за меня. Это из-за того, что я обозначаю.

— И что же вы обозначаете?

— Конец чего-то. Не знаю, чего именно. Но она чувствует.

Летисия отодвинула кружку.

— Вы закончили? — спросила она.

— Почти. — Торн допил компот, поставил кружку. — Спасибо. Это был лучший обед за последние месяцы.

— Компот из сушёных яблок, — сказала Летисия. — Сами выращиваем яблоки и сами сушим.

— Я не про компот.

Он смотрел на неё спокойно, без намёка. Летисия отвела взгляд.

Она встала. Торн поднялся следом.

Выходя из столовой, Летисия краем глаза увидела, как Клара наконец повернулась. Их взгляды встретились на секунду. Клара смотрела на неё с чем-то, похожим на вину. Или страх. Или и то, и другое.

А потом Клара перевела взгляд на Торна.

И замерла.

Летисия заметила это. Секундное замешательство. Слишком долгое, чтобы быть случайным. Торн тоже заметил — его бровь чуть приподнялась, но он ничего не сказал. Просто прошёл мимо, как будто ничего не произошло.

Но Летисия запомнила.

Они шли по коридору. Лампы горели ровно, заливая пространство тёплым светом. Летисия шла вперёд, и впервые за день ей не нужно было заставлять себя дышать ровно.

— Куда теперь? — спросил Торн.

— В сектор С. Документация по системам жизнеобеспечения.

— Вы показываете мне то, что положено?

— Я показываю вам то, что вы просили.

— Хорошо, — сказал Торн. — Но потом я хотел бы увидеть не то, что, по-вашему, положено.

Летисия остановилась. Повернулась к нему.

— Что именно?

Торн подошёл ближе. Остановился на расстоянии шага.

— Детей, — сказал он. Голос стал тише, но твёрже. — Я хочу увидеть детей.

Летисия смотрела на него.

— Я уже сказала — не сегодня.

— А я говорю — сегодня. — Он не повышал голоса, но в нём появилось что-то, что не терпело возражений. — Я приплыл сюда не ради труб и фильтров. Не ради архивной пыли. Я приплыл, чтобы увидеть своими глазами плоды вашей многолетней работы.

— Вы не имеете права требовать от меня что-то. Вам стоит это запомнить.

— Имею. — Он достал из кармана планшет, развернул экран. — Вот подпись. Вот печать. Вот приказ, в котором сказано: полный доступ ко всем помещениям и ко всем лицам, находящимся на объекте.

Летисия взяла планшет. Прочитала. Слова плыли, она не могла сосредоточиться.

— Это не значит, что вы можете...

— Это значит, что я могу всё, что сочту нужным для проверки. — Он забрал планшет. — Я не враг, Летисия. Но я и не гость. Я аудитор. И я хочу увидеть детей. И я их увижу так или иначе. Так зачем затягивать неминуемое?

Она молчала. Внутри всё кипело, но она не могла найти аргумента. Потому что он был прав. Бумага давала ему это право.

— Хорошо, — сказала она наконец. Голос был чужим. — Но я буду присутствовать.

— Я и не предлагал иначе.

Она развернулась и пошла.

Не в сектор С. В другую сторону.

К детскому крылу.

Они шли молча. Летисия слышала свои шаги и его шаги. Теперь она не пыталась сделать их бесшумными. Ей было всё равно.

Она думала о Кларе. О том, как та смотрела на Торна. О том, почему этот взгляд длился дольше, чем нужно.

Она думала о детях. О том, что Торн их увидит. О том, что она не знает, как они себя поведут.

Она думала об Ирис.

Детское крыло находилось в торце здания, за ещё одной гермодверью. Летисия провела карточкой, набрала код. Дверь открылась.

— Тихо, — сказала она. — После обеда у них тихий час. Не все спят, но все должны лежать.

Торн кивнул.

Они вошли.

Коридор был светлым, стены выкрашены в мягкий жёлтый. На полу — толстый ковролин, чтобы шаги были не слышны. Летисия прошла к первой двери, заглянула в смотровое окно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.